

Вечерняя Москва, 1966, 22 янв.

ТЕАТР, ПЬЕСА, ЖИЗНЬ

НОВЫЕ пьесы — это новое в театре, новое в актерской игре, в режиссерском видении жизни. Новая пьеса — это новый современный театр, если сама пьеса открыла нечто существенное в современной действительности, что-то прибавила к мыслям, взглядам, мечтам современников. Существует мнение, будто театр сегодня сильнее драматургии, будто именно он диктует сейчас литературе и художественные средства, и законы сценической выразительности. Не станем спорить. Ясно одно: когда появляется пьеса, тогда расцветает и театр, тогда рождаются актеры.

ТЕАТР имени Ленинского комсомола выступил с новой пьесой С. Алешина «Каждому свое». Драматургия С. Алешина занимает на нашей сцене своеобразное и самобытное место. Писателя волнуют сложные философские проблемы, человеческие страсти, раскрытые даже и не в точных, конкретных характерах, но в образах почти символических. Философский диспут, публицистический спор, столкновение идей, конфликт мировоззрений — вот что составляет основу драматических произведений С. Алешина.

И в новой пьесе, рассказывающей о подвиге советского танкиста в годы Великой Отечественной войны, автора занимает даже не столько самый этот подвиг, как бы он ни был величествен. Его занимает нравственное столкновение фашизма и человека, гитлеризма и советского гуманизма. Конкретным живым характером был тот самый пленный танкист, который согласился помочь врагам, а сам, развернув свой танк, подавил все огневые точки, а потом выскочил на шоссе и там уничтожил множество вражеских солдат и машин.

Он был конкретным живым человеком. Но собрать воедино живые черточки этого характера, снова возродив его из пламени войны,

С. Алешину казалось все же менее важно, чем создать образ Танкиста, Неизвестного солдата, который один вышел на бой с целой фашистской Германией.

К ФИЛОСОФСКИМ категориям в драме тянется и молодой драматург Валентин Блинов, чьи предыдущие пьесы «Беглец», «Нищий» на разном материале решали серьезные мировоззренческие вопросы. Сейчас В. Блинов написал новую пьесу «Белые облака».

Неизлечимо болен человек и знает, что скоро умрет. Сколько уже давала эта ситуация драматического огня многим и многим нашим драматургам. Но Блинов по-своему «поворачивает» эту исходную ситуацию, еще раз доказав, что тема, сюжет далеко еще не все определяют в произведении.

Молодой инженер — герой этой пьесы — знает, что скоро умрет. Знает один, никто больше. И вот наступает время, короткое ли, долгое ли, но ограниченное время, когда человек может действительно оказаться «сверхчеловеком». Что ему людское мнение, что ему нравственный закон, что ему чужие судьбы! Он уже по другую сторону добра и зла. Он над людьми, ему ведомо будущее.

Но какими жалкими выглядят вдруг все эти «сверхчеловеческие» возможности! И больше всего на свете сверхчеловек хочет стать человеком. Снова зависеть от нравственного закона, снова подчиняться суду общественной морали, снова чувствовать себя не одним, но со всеми, не «над», но рядом.

Интересный и новый замысел, обличающий в молодом литераторе зрелый ум.

ПРЕЖДЕ чем представить читателям новую пьесу Л. Зорина «Серафим, или три главы из жизни Крамольникова», переданную им в Театр имени Станиславского, хочется сказать несколько слов о хорошем писательском качестве — профессионализме. Когда-то мы редко употребляли слово талант. Теперь также редко употребляем слова профессионализм, мастерство, умение, работа. Талант — исходное для художника. Но как радостно, когда талант — не дни труда и годы «творческого» молчания, но дни и годы, месяцы и часы постоянного, систематического труда. Именно так трудится драматург Л. Зорин.

Его новая пьеса — несколько новелл из жизни милого провинциального чудака Серафима Крамольникова. О чем пьеса? Об очень многом и очень серьезном, рассказанном талантливо, трогательно, весело. Жизнь идет под носом, обычная, разная. Но не видит жизни Крамольников. Голова его забита чем-то производным, второстепенным, существующим около жизни, взятым из нелепых книг, недалеких статей...

В ресторане — шпион. Вот он сидит за столиком, договариваясь со своей связной. Крамольников тут как тут, следит, подслушивает, разоблачает. Но «шпион» всего лишь автор детективных романов, а «связная» — дама его сердца. Какая злая ирония! Но здесь же, за соседним столиком, сидят истинные жулики, обдывающие у всех на глазах темные свои делишки. До них нет дела Крамольникову. Они в безнаказанности, потому что

они — реальность, которой не замечают те, чьи головы забиты смешными фантазиями... **И** КАК всегда, каждый сезон с новой пьесой выступает В. Розов, работающий с завидной четкостью, которая и есть одна из граней настоящего таланта. «Затейник» — так называется его новая пьеса. В ней два акта и неравномерное количество действующих лиц — двое в первом и большая шумная семья во втором. Да и не очень они сюжетно связаны друг с другом, два этих акта. Они связаны (и в этом новое пьесы Розова) больше идеей, психологическим анализом, мыслью.

На одном из южных курортов встречаются старые знакомые, некогда студенты педагогического института. Один сейчас доцент, преподаватель, другой — затейник, здесь, на этом курорте. Один вроде бы вышел в люди, другой «не состоялся». Но движется действие, и мы понимаем, что «не состоялся» молодой доцент, растерявший все молодое, оставивший форму, и, напротив, живым остался затейник.

А второй акт о мальчике Эдуарде, очень похожем на молодого Сержку, нынешнего затейника. Эдуард свободен внутренне. Его не пугают страхи и призраки.

ЕСТЬ и другие новые пьесы у наших драматургов. Энтузиастам, которых иногда называют чудаками, но чьи «чужачества» и должны стать нормой жизни, посвящена первая пьеса А. Бархолоенко. Она только начинает свой драматургический путь, но премия на недавно закончившемся конкурсе ВЦСПС и Союза писателей СССР — неплохая путевка в сценическое плавание.

Премия получила и пьеса Е. Каплинской «Мастерская алмазов». Нет, не космос, не степные просторы, не загодские цехи место действия этой драмы. Коммунальная кухня, где столы и плиты, — плацдарм событий пьесы Каплинской. Но именно здесь своеобразная мастерская алмазов; алмазы душ гранятся в тесном общении друг с другом, в трудных биографиях и счастливых судьбах.

И другие есть пьесы. Всего, с чем встретятся зрители в этом сезоне, не перечислить. Но вот что тревожит. Воспитание новых поколений средствами искусства — дело многостороннее и сложное. К сожалению, многие писатели наши ведут сегодня разведку в основном на одном направлении — камерного психологического театра, где конфликт и его исход определены единственной целью — сделать человека лучше, чище, нравственнее.

Но это лишь часть боевой программы современного театра. Взятая сама по себе, она грозит выродиться в этакый первобытный коммунизм, в смиренную мораль, где хорошо уже все, что не плохо. Нужны и другие стороны большого воспитательного разговора на театре — воспитание героическим словом и делом; нужны примеры духовного мужества, необходим драматический рассказ о воле и отваге, о дерзкой мечте и храбрости.

Иногда кажется, будто нарочно избегают иные драматурги истинных противоречий, отыгрываясь на заботах вчерашнего дня, на недостатках минувших времен и радостях бывших событий. Новые пласты жизни должны оказаться в поле зрения наших писателей. И это особенно важно, когда страна идет навстречу знаменательной исторической дате — 50-летию Советской власти.

И. ВИШНЕВСКАЯ,
кандидат искусствоведения.